

Несовместимость с жизнью

Татьяна ТИХОНОВЕЦ

Молодой пермский театр "Новая драма" показал премьеру одного из самых талантливых авторов - "постсоветской" драматургии Михаила Угарова "Облом off". Осенью на областном фестивале "Волшебная кулиса" создатель этого театра и режиссер спектакля Марина Оленева получила приз фестиваля "за лучшую режиссуру".

Редко в провинции решаются сегодня на постановку этих странных по меркам традиционного театра пьес. Все (особенно режиссеры, интуитивно не любящие новое, ибо оно грозит разрушением накрепко усвоенного ремесла) говорят: да что это такое, эта ваша "новая драма"? Просто ряд плохо написанных пьес, да и название, знаете ли... далеко не ново.

Понятно, само название накрепко связано в театральном сознании с той, первой "новой драмой", которая Метерлинк и Чехов, Стриндберг и Гауптман, и так далее. Ряд этот слишком велик, каждое имя в нем самоценно и через запятую пишется с трудом. Потому что тогда действительно произошло обновление смысла и обновление театрального языка.

Но что же поделал, с тех пор столько было "нового" - "новая волна", к примеру. Не знаю, как-то это надо же называть. Ну, пусть будет "новая драма". Кстати, Марина Оленева в своем театре всегда ставила и ту, первую "новую драму", и "новую волну", и эту вторую "новую драму".

Одним словом, название созданного ею театра не случайно. И Чехов, и Хармс, и Петрушевская, и Угаров, и Хмелев не делятся в этом студийном коллективе на "первый-второй, рассчитайся!". Они и Чехова играют так, как будто его пьесы были написаны в прошлом сезоне.

Обретение нового театрального языка, поиски сценического

эквивалента для новых текстов даются не просто. Марина Оленева ищет этот язык, рискуя быть непонятой и непонятной широкому зрителю. Ну, с крошечным залом, в котором она обретается, широкий зритель и не нужен, как он никогда не был нужен студийным сценам. А вот интеллигентная студенческая молодежь моментально откликнулась на эти поиски и с интересом приходит на спектакли по пьесам современных авторов, мало известных широкой публике.

Угаров не инсценировал великий и сладостно многословный, как сама русская жизнь, роман. Он из другого времени с грустью и любовью наблюдает за Ильей Ильичом Обломовым, знакомым, любимым героем всей русской истории, бесповоротно приговоренным революционным демократом Добролюбовым. Обломов бесполезен и не нужен новой жизни, как ее понимали его друг Андрей Штольц и бескомпромиссный критик Добролюбов. Но почему-то мы любим его тем больше, чем больше наблюдаем русскую жизнь.

Обломов умирает оттого, что плотно ужинал, мало двигался, много лежал на диване, ничего не делал и испугался любви. Так ли? Угаров подвергает это сомнению. Он очень серьезно и сокровенно "пропустил" через свое ироничное сознание нравственный смысл романа. И кажется, увлекся им настолько, что во второй части пьесы почти отсутствует ирония. И это ставит любого режиссера в сложное положение.

Оказалась в нем и Марина

Оленева. В первой части спектакля Обломов в обаятельном и умном исполнении Евгения Пеккера целен, гармоничен, потому что верен себе, своему внутреннему неторопливому жизненному ритму. Озорной, умный, ироничный, Обломов всех заставляет играть по собственным правилам. Все подвергает игре, мистификации, розыгрышу. Розыгрыш обозначен и как жанр спектакля. Любимое занятие угаровского Обломова - игра. Все легко, все мимоходом, мимоходом, все с серьезной миной и лукавым взглядом.

И вдруг, кажется, совсем нечаянно душа проговаривается о главном. И начинаешь понимать: не нужно в России суетиться, не нужно громко кричать в сотовый телефон, да и (страшно сказать!) зарядку с обтиранием может не стоит делать? Нужно жить по своим внутренним правилам и прислушиваться к своему тихому внутреннему голосу. Потому что Штольцы смешны, несмотря на то, что они тоже нужны России. Наверное. Теперь уж точно и не знаю, поживши при долгожданых Штольцах.

Обо всем этом думаешь, сидя на спектакле, когда под мелодию "Casta diva" два бывших мальчика Штольц (Михаил Шестаков) и Обломов вспоминают детство. Смотришь в грустные глаза Штольца и понимаешь - в этом немце тоже русская душа. И Захар (Эдуард Галеев), смешно рыдающий на груди у барина, после нечаянного ругательства, и презирующий немцев за их чистоплотность - тоже русская душа, широкая и нелепая, которую, как

известно, ничем не понять.

Первое действие построено на легкой иронии, которая не раздает душу, но призывает ее потрудиться и взглянуть на Обломова по-другому. А во втором (опять же в согласии с текстом пьесы и вечной безысходностью русской жизни) действие стремительно теряет легкость, и великая тень Станиславского нависает дополнительным грузом над режиссером.

Невольно рождаются ассоциации с Гамлетом, и кажется, что твои представления об Обломове, которого ты всегда воспринимала просто как своего близкого родственника, как-то путаются и теряют ясность очертаний. И не знаю, хорошо это или нет.

Из прелестной легкости театрального розыгрыша во втором действии остается только образ вдовы Агафьи Матвеевны в исполнении Аллы Мезенцевой. Заторможенной кустодиевской красавицей томно вплывает она в жизнь Обломова. Ее любовь ненавязчива и нетребовательна. Ее сексуальное томление в предчувствии штопки чулок или стирки халата - это блестящая находка режиссера и молодой актрисы. Ах, как мечтают мужчины о такой любви! И как быстро чахнут от этой нежной неусыпной заботы. Понятным становится и то, с какой решительной неприязнью относится Оленева к нежной вдове. (Хотя, я уверена, ничего плохого нет в тарелке, полной горячих пирожков и в холодной стопке национального русского напитка).

Цельный и нерешительный, нежный и робкий, сомневающийся в себе, а главное в своем праве жить так, а не иначе, Обломов во втором действии - классический русский "лишний человек". А рефлексия для здоровья вредна. Она раздвигает душу, дает отверделость в сердце и тяжесть в ногах. Его немецкий доктор (Сергей Детков), сыгранный и как глубоко обиженный ребенок, и как лукавый провокатор, непрерывно подкачивает хрупкую психику Ильи Ильича латинскими диагнозами и предупреждениями. И в конце концов, фатально завершает жизненный эксперимент над русской болезнью Обломова.

Облом души - это диагноз, несовместимый с жизнью. Жизнь и уходит из милого Ильи Ильича как-то естественно, сама по себе. Остается плачущий на могиле Захар, лирический русский слуга, который, конечно, грязь с окон не вытрет никогда, но зато душу, душу-то хозяйскую как понимает! Не случайно на фестивале "Бланк" в Латвии иностранцы, не знающие русского языка, заявили, что наконец-то они поняли, что такое Россия, и что никогда они не видели такого смешного спектакля. Странно, что им было так смешно? Но давно известно, что русскому здорово, то немцу... наоборот.

А скромная частичка "off", обозначающая нынче все стороны авангарда - от подвалов до места в фестивальных программах, обозначает помимо всего прочего и прекращение, окончание действия. Облом жизни потому что. Знатоки и философы русской души получают на этом спектакле обильную пищу для размышлений. Не советую только плотно ужинать вечером! Не от этой ли русской привычки нам снятся ночью кошмарные вещи сны?

● А.Мезенцева и Е.Пеккер в спектакле "Облом off"

Экран и сцена - 2004. - фев. (16) - с. 5